

ПО ГЯЗНЫМ СЛЕДАМ

Так уж получилось, что В. Арнаутова как писателя знала только по публикациям в журнале «Огни Кузбасса». В основном это путевые заметки и публицистика.

И вот недавно мне в руки попала книга В. Арнаутова под названием «Литературная хроника», два тома, вышедшая в 2018 году. Обрадовалась. Захотелось прочесть, познакомиться с мировоззрением автора, его размышлениями о писателях. Тем более что в предисловии написано: «Книга рассчитана на исследователей литературного процесса первых двух десятилетий нового тысячелетия и всех, кому интересна эта тема». Интригующе...

ТОМ 1

Книга начинается с описания собрания Союза писателей, на котором рекомендовали В. Арнаутова в члены СП. И вот здесь, в описании собрания, неприятно поражают слова «подсутились и посодействовали» (стр. 6). Это про В. Иванова и С. Донбая. Как-то унижающе для обеих сторон. Далее, описывая рабочие моменты собрания, автор употребляет вульгаризмы типа (извиняюсь за В. А.) «хрен собачий» (стр. 8). Затем идёт описание точного количества алкоголя, подробное описание закуски. И это будет встречаться очень часто на протяжении всего двухтомника: кто сколько сдал денег, сколько бутылок водки (по названиям), коньяка, вина, пива куплено, кто сколько выпил, съел, кто на халяву, кто на свои кровные. Всё скрупулёзно подмечается и описывается. Читать это очень утомительно.

Сразу после собрания начинается активная деятельность весьма специфического характера. То, что В. А. активно и настойчиво пытается пристроить свои произведения С. Донбаю, В. Мазаеву или «хоть кому-нибудь», это понятно. Но вот что настораживает – позиция. «Я поздравил Бурмистрова с наградой. Поинтересовался судьбою моих документов, тот пообещал отправить их завтра же. Посмотрим...» Как-то уж больно многозначительно звучит это «посмотрим». Тут же: «Бурмистров принёс «мыльницу», снимает авторов-поэтов и их подборки для издания какого-то альбома, сборника или буклета. Якобы примут в этом участие и художники... А вот нами, прозаиками, никто не занимается. Даже тот несчастный сборничек – и то не найдут средств издать. А жаль... Надо будет как-нибудь надавить на Бурмистрова: пусть включает в план издания сборник – антологию прозы» (стр. 30). И эта фраза-приказ «пусть включает» звучит как-то несуразно от человека, который пока ещё не член Союза писателей. На творческой встрече в областной библиотеке дочь дарит

цветы В. Арнаутову. Его реакция: «Приятно, конечно, но лучше бы эти цветы подарил кто-нибудь из чужих» (стр. 34).

В дальнейшем открывается и его отношение к критике, явно нетерпимое. «Как-то уж очень прохладно отнёсся к моей повести «Приоткрылись родимые дали» В. Иванов. Посмотрим, что по этому поводу скажет Кругляков».

«Кругляков: «Ну, я почитал твою повестушку... Надо бы встретиться, поговорить...» Судя по тому, как он обозвал её повестушкой, хорошего отзыва ждать не следует. Впрочем, и у него самого далеко не повестища!..» (стр. 35). Без комментариев с моей стороны. Читаю далее. В разговоре с С. Печеником на его сетование, что книга плохо продаётся, В. Арнаутов негодует: «Просто иногда диву даюсь, насколько у нас стал непробиваемый и скупой народ. Деньги тратятся в невероятных количествах на всякую чушь, а вот купить книжку или спонсировать её издание – увольте... Да на месте ректора или профкома той же медакадемии можно было закупить весь тираж на сувениры своим сотрудникам. Ну что такое, к примеру, 10 тысяч рублей для института? Даже из ректорского фонда это не было бы слишком накладно» (стр. 43).

Ну что тут скажешь? Мало того что командует, чем заниматься председателю Союза писателей, так уже и ректорский фонд медакадемии просчитал и решил, что им будет не накладно. Откуда такие сведения? Причём в стране этот самый скупой народ не получает зарплату месяцами и «на всякую чушь» уж точно не тратит деньги.

Далее попадает Арнаутов на рабочие обсуждения предстоящего 70-летнего юбилея В. Ф. Матвеева. Идёт обмен мнений Бурмистрова, Донбая, Каткова, Печеника.

Печеник высказывает своё, несогласное мнение. Это обычные рабочие моменты в обсуждении. И вот запись В. Арнаутова: «Всем троим вслух возразил лишь Семён Печеник. Никак не ввязались ни в охаивание, ни в защиту Матвеева Кругляков и Иленко. <...> Хотя и робко, но я поддержал Печеника...» (стр. 44) «Пискнул», так сказать, но не услышал, что говорили Бурмистров, Донбай, Катков. Хотя записал их слова, но не вдумался, что они говорили. Не было ни охаивания, ни защиты. Просто обсуждения.

Далее. Пока ещё не член СПР, Арнаутов напрашивается на празднование 40-летия писательской организации.

Идёт вручение медалей (с премиями, уточняет В. А.). Награждают Ст. Куняева. И тут же звучит возмущение Арнаутова: «Куняеву-то за что?!» И описывает его: «С. Куняев смотрелся этаким московским, столичным барином, знающим себе и своему положению цену (причем заслуженно! – Прим. авт.), к нему допускались как к барской ручке... Зато мне удалось пробраться к мэтру и даже зафиксироваться на видеоплёнке чокающимся

с ним». И, видимо, прикасание к «барской ручке» настолько вскружило Арнаутову голову, что подумал: «А подтверждения о моём членстве в СПР до сих пор нет. Неужто до сих пор этот вопрос там не рассматривался?! Отлуп?! Могли бы под такую дату и подсуетиться...» (стр. 56). А спустя месяц, появившись в Союзе, пишет: «В самом офисе всё те же лица и завсегда: Бурмистров, Катков, Иленко, Баянов, Кругляков». И это о председателе СП, о главреде журнала, о заместителе председателя и ответственном секретаре, о члене редколлегии журнала! Этим «лицам» там и положено быть. На 60-летнем юбилее С. Донбая.

«Как и положено, открыл юбилейный вечер Б. Бурмистров, сказал добрые, тёплые слова в адрес юбиляра. (Кстати, замечая, что такие слова говорят либо на юбилеях, либо на поминках или поминальных вечерах.) Практически все говорили тепло и душевно».

Такое неуместное, издевательское сравнение...

С сентября В. Арнаут становится членом СПР. И облик его уже прорисовался. Он ещё более активно и уверенно расширяет круг знакомств, более расширенно знакомится с творчеством кузбасских писателей. Очень показательно его описание отчётно-перевыборного собрания, в котором Арнаут участвует уже как член СПР. Не может обойтись без сарказма в сторону председателя Союза писателей. Затем: «Предложение о совете старейшин (на правах членов правления, куда бы вошли В. Махалов, В. Баянов, В. Мазаев, Г. Юров) поддержки не получило. Точнее, заболтали, заговорили и тихо забыли. <...> Таким образом, их практически устранили от правления СПК. Хитрый ход получился!» (стр. 81).

Какой хитрый ход усмотрел Арнаут, я не понимаю. В. Баянов ещё оставался главредом «Огней Кузбасса» до 2004 года; В. Мазаев был в редколлегии «Огней Кузбасса», курировал прозу; В. Махалов, получивший в 2000 году литературную премию им. Фёдорова, активно участвовал в жизни СП; Г. Юров – член редколлегии, с 2001 года главред созданного им альманаха «Красная Горка». Видимо, идея старейшин была преждевременной, но уж никак «хитрым ходом» назвать её нельзя. От кого и для чего этот «хитрый ход»?

Далее по ходу книги идёт обживание писательского пространства. Встречи, разговоры, поиск спонсоров, издание и продажа своих книг, чрезмерная озабоченность продвинуть свои рукописи в какие-нибудь журналы. Очень утомительная отчётность о вечеринках, не в плане творческих разговоров и обсуждений, а всё то же: подробное перечисление алкоголя, закуски и т. д.

Слишком однобокое описание жизни СП, зацеленное на себе.

В конце года Арнаут получает членский билет и даже тут не удерживается от колкости: «А ничего особенного – книжица весьма скромная, правда

краснокожая; могли бы на корочке хотя бы и орла посадить для солидности» (стр. 100).

Следующий, 2003 год проходит в знакомствах, поездках, чтении и критике книг писателей. Выход новой книги. Казалось бы, живи, радуйся, образовывайся. Так нет же: «Вышел 12-й номер «Москвы». Меня опрокинули. Рассказ мой не напечатали. Обидно. Уж какая причина, не ведаю. А может, и наши что-то мудрят: отобрать отобрали, а выслать не выслали. Слабеньким утешением является, что в нём не оказалось и Лавряшиной» (стр. 103).

«Забегал в Союз писателей. Там всё то же. Кучкуются и втихаря выпивают. Никаких новых вестей. Или мне не сообщили ничего нового». А самому что, спросить нельзя? Почему ему должны докладывать новости? Ведь он только забегал. И вообще – вот это отношение к собратям по перу... Эта вечная подозрительность... А как «порадовался» за Лавряшину! Вот оно! Собственная прорисовка характера. И ни разу не мелькает мысль, что, может быть, рукопись слабовата, нужно поработать, улучшить. Так нет же. Постоянно свои неудачи валит на коллег, власть и т. д.

Вот и ещё: пытается провести Игоря Петрова кандидатом на приём в СП. Против С. Донбай, А. Ибрагимов, В. Мазаев. Вместо того чтобы поразмышлять над сказанным, Арнаут опять ищет причину в том, «кому или где Игорь мог перейти дорогу?», подозревая и Донбая, и Ибрагимову, и Мазаева в том, что они вообще не читали Петрова. А почему было не встретиться с кем-нибудь из них и поговорить о слабостях произведения, заодно и убедился бы, читали они его или нет, а не высказывать свои домыслы и предположения.

Думаю, что подобная практика ведения дел негативно сказалась и на Игоре Петрове.

Ну а пока написана эпиграмма: «В нашем доме – с дедушкой Мазаем – отмахалят, забаянят, раздонабят» (стр. 158).

И особенно несправедливо отмечает, что в ЦДЛК стало ходить мало народа (стр. 159). Я помню то время. Жизнь кипела. Народ толпился. Постоянно решались какие-то важные вопросы, было шумно и оживлённо. И над всем этим витала светлая творческая энергетика.

2004 год прошёл для Арнаутова достаточно насыщенно. Много поездок, встреч. Главный редактор «Огней Кузбасса» С. Донбай предлагает работать в отделе прозы журнала. Затем поездка в Сростки, в конце года – 1-й съезд литераторов Кузбасса. Он много пишет, работает. Почти не жалуется, выстраиваются более ровные отношения с писателями.

Но вот в апреле 2005 года, после общения с Г. Юровым, пишет: «...неоднократно проскальзывала фраза, что я не нравлюсь Бурмистрову. Якобы мы с Павловым замахиваемся на его кресло. Ну, у Павлова-то, может, такая мыслишка и имеется. А вот я уже говорил, что не считаю себя пока что имеющим

161

моральное право занимать такую должность ... правда, внешне я никак не замечал неблагожелательного расположения ко мне со стороны Бурмистрова» (стр. 332). Тут я соглашусь с Арнаутовым: морально-го права он не имел! Однозначно. И хотя он не видит от Бурмистрова ничего плохого, но сомнения уже посеяны, спящая до поры подозрительность проснулась. И к концу года Арнауты и Павлов созрели. С нетерпением ждут собрания.

«На сегодня назначено общее собрание. Думаю, что будет жарким. Собираемся на нём выступить с Павловым с серьёзной критикой деятельности нашего председателя правления, предложив на это место Павлова. Есть и альтернатива – Валерий Козлов. Как будут разворачиваться события – увидим...»

Чтобы хоть как-то оправдать свой последующий провал, пишет: «Собрание прошло полностью под контролем Бурмистрова и его правления. <...> Пока Павлов выступал с критикой негатива – постоянно с мест раздавались недовольные голоса и шушукания. <...> В общем, до конструктивных предложений у него совсем не дошло – не позволили по регламенту. <...> Я тоже изрядно скомкал свои тезисы, развернуться не дали. Но кое с чем согласились. Большинство голосов работу правления оценили на «хорошо», хотя мы готовили за «удовлетворительно». <...> Я (!!! – Т. К.) пытался ввести Павлова хотя бы в правление. Не прошло большинством голосов. <...> Да, втихушку, под Валеру Козлова, кажется (? – Т. К.), введена будет новая должность – ответственный секретарь правления СПК. Ну да ладно. Валера не такой уж плохой человек. Пусть работает, квартиру себе зарабатывает».

Ну вот что тут скажешь? Даже выступить на собрании не смогли достойно и убедительно. Ну и, конечно же, им не дали договорить, хотя с чем-то согласились. Как могли не дать договорить и при этом кое с чем согласиться? Так ведь и писатели не поддерживали не просто большинством, а подавляющим большинством голосов.

ТОМ 2

Начало 2006 года спокойное, рабочее. Будни. Встречи, мероприятия. Но раздражение и недовольство на всё и всех растёт. И уже к 8 Марта выплёскивается на Бурмистрова, из-за того что тот не очень рьяно приглашал на застолье – поздравить женщин. Надоело В. А. быть статистом на чужих пиршествах.

В конце марта – собрание и опять обиды. Бурмистров «прошёл в отсутствие Павлова (а кто ж ему мешал присутствовать? – Т. К.) по его тезисам с прошлого собрания и по моим дополнениям. Разнёс презрительно, выставив как скороспелых амбициозных выскочек. Пытались было возразить я и Валера Баранов – захлопали, затопали – всё те же Донбай, Бурмистров, Зубарев, Катков, Мазаев, Козлов... Валера Козлов всё больше и больше стал скатываться

на позиции чиновника-администратора, сначала слегка грозящего пальчиком, а потом – указывающим перстом» (стр. 24).

И вот ведь интересно. Такой мощный состав писателей перечислил, плюс сидящие в зале члены СП – никто не поддерживает... И опять даже не пытаются понять, осознать, что их неприкрытое стремление к креслу, власти... Даже не знаю, как бы помягче выразиться... Ладно, оставим без дальнейших комментариев. Хочу только заметить, что после этих разбирательств их никто не прессует, они спокойно работают. И не делают никаких выводов. И вот уже сентябрьские записи: «Мазаев собирается свалить (ну и словечки! – Т. К.) с должности зав. прозой. <...> Но более того подозреваю: Донбай стал всё больше принимать решения самостоятельно, но всегда считаясь с мнением Мазаев (ого, уже Мазаев! – Т. К.)».

Донбай отказывается взять Арнаутова на место зав. прозой, и тут же следуют реплики, что руководители бронзовеют, возражений, инакомыслия не терпят и т. д.

И опять всё спокойно. Рабочая обстановка. Единственно, что, когда Донбай наотрез отказался брать Павлова на место Мазаева, Арнауты забеспокоились, что ему придётся покинуть редколлегия, но всё обходится. Никто не преследует и не давит. Наоборот, Бурмистров предлагает поездку в Челябинск на конференцию Ассоциации уральских писателей, которая прошла весьма успешно.

В конце года Арнауты подводит итоги своей деятельности. Остаётся доволен годом. Но вот тут вспомнилось: в самом начале книги, в предисловии, написано, что она рассчитана на исследователей литературного процесса. Вроде как общего процесса, писательской организации в том числе. Но пишет-то автор только о своих процессах, личных. Ладно бы был выдающийся мастер слова или интересно и захватывающе писал о писателях и себе вкуче с ними. Но нет этого в книге. Читаю уже второй том, и везде только «я» на первом месте. Такое ощущение, что Арнауты руководит всеми процессами в СП, только он даёт ценные советы, выстраивает отношения с коллегами. Кстати, об отношениях с коллегами. Мелковатые они, завистливые, неуважительные.

Ну, продолжим. Итак, 2007 год, февраль.

«Борис Бурмистров озадачен – наехала откуда-то из управления комиссия с проверкой бухгалтерских дел. Кто-то анонимно ляпнул в администрацию, что якобы Борис самовольно делает поборы денежные со стипендиатов. Сборы такие и впрямь делались, сразу же после вручения нам первой стипендии, но всего по 100 рублей. И то добровольно. Я и Павлов ещё на прошлом собрании говорили о необходимости таких взносов. <...> Резервный фонд <...> оказание помощи <...> поздравления юбиляров. <...> Так что лично я осознанно и добровольно делаю такие взносы» (стр. 140).

Ой, лукавит Арнаутов! Аноним был известен...

Читаем дальше.

«Какая-то чёрная полоса. Похоже, меня начали выдавливать из Союза, точнее из его дел. И прежде всего это касается редколлегии журнала. Сегодня Донбай вернул мне мой рассказ «Приходи на ёлку». <...> Друг мой Иванов не постеснялся и не поскромничал ... хотя я лично не вижу в этом рассказе тех минусов, о которых говорит Иванов. <...> Хотя, если вспомнить ... тот же Иванов не дал положительной оценки моей повести «Приоткрылись родимые дали», да и рассказ «Нашёл – не радуйся...» ему почему-то тоже не показался. Ну и что с того?» (стр. 146)

И опять не задумался, не поразмышлял, не поработал. Объяснил сам себе это тем, что жёстко и не объективно покритиковал Ярощука, вот и вернулось бумерангом.

Кстати, Ярощук ему оплатит вскоре тем же.

«Тут ещё и дружок А. Ярощук обрадовал ... обвинил меня в сырости материала, некомпетентности описываемого, в плохом стиле и т. п. Спросил, сколько дней я работал над романом. Ответил, что полтора года. Он сказал: «Ну если поработать ещё над ним годика три, то, может, что и получится из него...» Очень приятная оценка» (стр. 374).

Ну ладно Иванова, Ярощука игнорирует (хотя они говорят дельные вещи), но почему бы Мазаева не послушать, не поучиться у него? Ведь бок о бок работали несколько лет. И уж к советам Мазаева стоило бы прислушаться. Не суетиться, не торопиться, а до ¹⁶³седьмого пота работать над своими произведениями под руководством Мазаева. И, я думаю, развил бы свой талант, пошёл бы в гору, не потерял бы индивидуальности. Но из-за гордыни, близорукости упускает такую возможность! Да ещё при всяком удобном и неудобном случае отпускает колкости в сторону мастера слова.

А сколько от него достаётся С. Донбаю! Арнаутов постоянно конфликтует с ним. Хотя С. Донбай предъявляет вполне справедливые требования, это видно даже из записей самого Арнаутова. Но самокритика у В. А. на нуле.

Не печатают в периодике – это происки своих. Не награждают, «медальки» (слово В. А.) не вешают – власть виновата и опять же свои, писатели. И даже вопроса не возникает: заслужил, не заслужил? Но зато к чужим наградам, вернее к другим награждаемым, относится просто с ненавистью, просто желчью истекает. Особенно когда выделяют молодых.

Я вот одного не могу понять. К нему в СП относились достаточно ровно. Никто не преследовал, не зажимал, не гнобил, не оскорблял – это видно и из его записей. Откуда такое отношение к собратьям по перу? Неужели зависть застилает глаза и разъедает изнутри всё, что было там хорошего изначально? А было ли? Уже сомневаюсь.

О-хо-хо! Продолжим нелёгкую эту работу.

«Иванов позвонил Козлову. Теперь तो занимается этими бумагами – Борис навестился (ох уж эти словечки! – Т. К.) ехать не то в Москву, не то ещё куда-то. На какой-то писательский форум (совершенно не интересуется и не знает работы СП. – Т. К.). Валера ответил Иванову, что меня будто бы заблокировали в департаменте. Вот это фокус! За что, за какие промашки?! Уж не за то ли, что я осмелился попросить у этих чинуш денег на издание книги мемуаров о первом наборе института? А может, кто наушничал там о моих не очень лестных высказываниях о дельцах от местной культуры? Ну и дамочки... Ломаю голову в догадках. Или всё же это отговорки? И всё делается (или не хочет делаться) у нас в Союзе? Неужто Борис и иже с ним такие злопамятные? Да и Валера Козлов совсем охладел (или зачерствел?). Хотя ещё совсем не так давно искренне признавались в дружеских чувствах <...> (стр. 175).

Зато все наши клерки, начиная с Бурмистрова (Донбай, Катков, Козлов, Мурзин, даже бухгалтер), получили очередные медали и грамоты (45-летие писательской организации. – Т. К.). Даже отпрысков своих продвинули. Получили медали и грамоты дети Каткова, Зубарева, Козлова, Шеховцова. Наконец-то удостоился медали и В. Иванов – сиял, как новенький пятак! Как и Миша Шеховцов. <...> Обидно было за себя и Павлова. Павлова вообще прокатили. А мне – как пощёчину – благодарность от губернатора (уже третья за последние три года). Правда, в конвентике оказалось к благодарности три тысячи рублей. <...> Вот уж никак не могу понять: кому и где я перешёл дорогу? Или всё-то нам аукается то собрание? Неужто Борис и впрямь такой злопамятный?! Вроде наедине он не высказывает и не выказывает никаких неприязней ко мне. Даже наоборот, как мне кажется, откровенничает.

После фуршета куратор спросила:

– Виктор Степанович, вы довольны?!

– Нет! – отвечаю ей. – Считаю, что получил не по заслугам... Не пойму никак, где и как я мог наследить?

– Тут у нас каждую кандидатуру перепроверяют.

– Хорошо, ну и что они могли знать обо мне компрометирующего? Лишнего против власти публично никогда не болтал, негативно о Тулееве не высказывался. Разве что наших культуртрегерш чинуш не почитаю. Так и не за что пока... Неужто Зауэрвайн мне препоны чинит? Если так – ходить мне всю жизнь в лучшем случае в камер-пажах. А это для меня противно и унижительно».

А вот втапывать коллег в грязь и наводить смуту в СП, видимо, приятно, и чувства возвышенные возникают. «Попал как кур в опши. И не хотел того, но, видимо, располагал к этому. После нашей доверительной беседы с Кураловым он решил найти во мне союзника. Уже вечером, после нашей беседы, он позвонил мне и сказал, что заготовил письмо. <...> Зашёл к Куралову. Тот мне сразу же вручил текст пись-

ма-заготовки... Вся суть письма, как я помню, сводится к тому, чтобы свалить Бурмистрова с должностей – директора ДЛК прежде всего (как назначаемой должности), а потом и с кресла председателя СПК (должности выборной)».

Я даже не буду приводить текст этого письма, в котором очень часто «якобы», «кажется», всё по слухам. Нет достоверности. К тому же та самая комиссия из управления, вызванная «анонимом», не нашла никаких злостных нарушений. А Куралов тут же отрёкся от своего письма. Просто опишу мысли и поступки этих людей.

«Но ... быть марионеткой в чужих руках кукловодов мне уже поднадоело. Хватит наступать на одни и те же грабли. <...> В случае благоприятного исхода мне всё равно воспользоваться не дадут (благами, как я понимаю. – Т. К.). <...> При неблагоприятном исходе (а это так и будет: всё делается поспешно и за спиной Иосифа нет реальных сил и сторонников) моя участь будет решена ещё печальнее, чем после собрания. Вряд ли мне уже когда-то удастся подняться до уровня остальных рядовых членов нашего СПК. <...> Куралов, естественно, сник. Начал пенять на отступничество. <...> Правда, взял с меня слово, что, если будет публично – на собрании правления, я открыто буду на его стороне. <...> При этом нигде открыто не идёт речи о лидерстве, то есть замене Бурмистрова на Куралова. Но суть-то именно в этом. Я так думаю. Вместо Бурмистрова теми же благами будет пользоваться Иосиф ... лишь бы попасть к распределительной кормушке. Но стоит дорваться до неё – захрюкает по-свинячьи, забыв об обещаниях (стр. 195).

Начал правление Бурмистров... И главное – разговор о внутреннем климате СПК. Дескать, есть люди, кому всё время что-то не нравится, и от собрания к собранию копят негативные факты, чтобы потом выплеснуть ушатом на него. И тут же дал понять, кого он имел в виду на сегодняшний день.

<...> Павлов ничего не знал о письме Куралова. Да и письмо, оказывается, никуда не пошло. В содержание были посвящены всего несколько человек, одним из которых был и я. <...> Но ... вот уж чего никак не ожидал от него!

Оказывается, перед самым собранием он всё это выдал Бурмистрову, сказав и откуда эта информация, то есть от меня. <...> Волей-неволей я оказался предателем Куралова.

В общем, как говорят, лучшая защита – нападение! С этого Борис и начал, фактически обезоружив Куралова и не дав ему как следует выступить. (Кто был сомневался! Как всегда, Бурмистров виноват, т. к. защищает свою честь и достоинство! – Т. К.). Иосиф стал защищаться. Дошло до того: «О каком письме идёт речь? Кто его видел?» Я сидел под этим перекрёстным перепальным огнём ... И чувствовал себя некомфортно (всего-то! – Т. К.).

<...> Павлов принял какую-то поддакивающую позицию, поддерживающую практически во всём

Бурмистрова. <...> Следует отдать должное и самому Куралову: иной бы после такой трёпки сник, словно курица мокрая, а с этого – уже буквально через минут пять всё как с гуся вода. Вполне хладнокровно вклинился в обсуждение прочих вопросов.

<...> После заседаний правления и редколлегии ... я в одиночестве ушёл домой. С тяжёлым осадком на душе и в пререзком настроении. <...> Не хочется видеть никого: ни Павлова, ни Куралова, ни Бурмистрова с Донбаем» (стр. 196–198).

И потом опять общение как ни в чём не бывало. Никакие жизненные уроки не усваиваются. Наоборот, растёт недовольство, усиливается брюзжание, особенно на молодых, более талантливых. Очередная ссора с Донбаем. Арнаутов не дал рекомендацию Ильдимировой.

«Донбай обвинил меня в том, что я не желаю иметь в Союзе сильных писателей. Вот уж никогда не был завистником, если у кого-то получается лучше меня. Да я и без того знаю, что сам я далеко не первый и не лучший. Об этом не раз публично заявлял. Что у меня имеется личная творческая планка или потолок, преодолеть которую я не в состоянии, как бы ни пыжился. Высказал ему претензии по поводу того, что тянут в Союз и малолеток, которые безропотно заглядывают им в рот» (стр. 231).

Далее – на собрании узрел хитрый ход в том, что предложили голосовать открыто. «Хитро, очень хитро... Ведь далеко не каждый решится в открытую выступить против того или иного кандидата».

А почему? Насколько я помню, никто и никогда не боялся выступать против. До кандидатуры Ильдимировой придрался. Хотя она была рекомендована и имела на руках решение Совета молодых литераторов на Урале. И где бы ни появлялся, везде колкости, колкости...

«Зато на местах все деятели Дома литераторов, даже Бурмистров». (А где ж ему быть-то? Скинуть-то силёнок не хватило. – Т. К.) Узнаёт, что лауреатом «Энергии творчества» стал В. Крёков, пишет: «Прямо скажем, если его рассказы «Наказание» и «Записки печника» имеют отношение к энергетике, то меня смело можно номинировать на конкурс металлургов... В поэзии – Дима Мурзин (тоже великий «энергетик»)... И опять недоумеваю: кто и за какие такие заслуги тянет тех же Ильдимирову и Белоусову?»

Сарказм так и прёт. Через два года и сам Арнаутов получает первую премию в конкурсе «Энергия творчества» и как-то сразу забывает, что он к энергетикам не относится. Никакого сарказма. Сплошные дифирамбы руководству Кузбассэнерго.

Вот такие метаморфозы...

И ещё немного. О даче рекомендации. Опять же, выписки из книги: «Отнёс Тоне Шмаковой рекомендацию в СПР. Ничего особенного в той рекомендации я не написал».

Задумывается, давать или нет рекомендацию Юрию Михайлову.

167

«А вот насчёт рекомендации – тут небольшая загвоздка: как-то же очень нескромно получается, что я почти налево и направо раздаю рекомендации. Получается вроде «слабого звена», которое нашли желающие вступить в Союз...

Ярошук – его тоже давно пора принимать, хотя бы уже из-за того (внимание! – Т. К.), что он немало делает для нашего Союза, опекает большого Валентина Махалова да и пишет вполне сносно («пишет» ставит на третье место, хотя в моём понимании должно быть на первом. – Т. К.). <...> Тоне Шмаковой дал рекомендацию – из сострадания... Хотя, если честно признаться, Тоня не дотягивает ни в стихах, ни в прозе до того уровня, чтобы быть в рядах СПР».

Просто без комментариев.

И заканчивается эта книга общим собранием. Где опять со стороны Арнаутова привычные уже сарказмы, недовольства.

Прочла наконец-то двухтомник Арнаутова и нахожусь в ступоре от прочитанного.

С первых же страниц – полное разочарование. Книга написана примитивным языком, с частым применением вульгаризмов, что ещё больше обедняет написанное. Читала с трудом, надеясь найти хоть что-то добротное. И несмотря на описание всех своих регалий на обложке книги, автор не внёс весомого или хотя бы ощутимого вклада в литературу Кузбасса. Тем более в литературу России. Высшее образование и титулы, которые у него были в Институте культуры, не прибавили ему писательского таланта, но определили жизненную позицию – быть во власти. В этом нет ничего плохого – возглавлять какой-то коллектив, но для этого нужны более высокие требования, прежде всего к себе. Тем более в писательской среде, где очень хорошо знают, кто и чего стоит.

И вот эта досада, что не может быть наравне с лучшими, делает его язвительным, завистливым и вечно недовольным всеми. И это, как ни парадоксально, тормозит его развитие как писателя. Он не признаёт ничьей критики. Это видно даже из его записей. Он пишет, за что его критикуют, но сам даже не вникает в суть критики. Вместо того чтобы образовываться в среде писателей, набивать руку, работать до седьмого пота над рукописями (тем более что рядом хорошие писатели), учиться и восполнять пробелы писательской деятельности, Арнаутов выбирает другое.

Он всевозможными путями пытается пристроить свои произведения в разные печатные издания. И в этом естественном желании нет ничего плохого, вполне понятно такое стремление. Но у него это превращается в самоцель. И уже не имеет значения качество написанного, гораздо важнее количество напечатанных произведений. А так как не особо часто печатают, он опять же становится заложником своей позиции. Когда не печатают, Арнаутов ищет врагов и вредителей, размышляет, кому и где перешёл доро-

гу, подозревает в нечестности и интригах собратьев по перу. И ни разу в этом двухтомнике не было размышлений по поводу своих произведений. Самокритика отсутствует полностью. Думаю, потому, что в нём постоянно живёт непомерно раздутое самолюбие из-за тех самых институтских регалий, которые не имеют ничего общего с писательским делом.

Даже друзей себе заводил с прицелом, чтобы его продвигали, давали положительные отзывы на его произведения. Если этого не происходило, то и о друзьях отзывался с большой долей сарказма – о них и об их произведениях.

И эти самые регалии и жажда кресла делают его просто ненавистником руководства. Всё писательское сообщество делится у него так: я, толпа и руководство.

Очень характерная строчка на стр. 233 (т. 2): «...и я встрял с репликой... И опять всё потонуло в общем гуле толпы и недовольстве руководства». Количество людей, в деяниях которых он участвовал, не превышало двух-трёх человек. Попытки «заговоров», «переворотов», «насылание комиссий» не дали никаких результатов, поливание грязью председателя и членов правления остались безнаказанными. Ни разу не засовестился Арнаутов, не извинился перед коллегами за явную клевету, беспочвенные домыслы.

Эта книга – история зависти, низких интриг, историй очернения, принижения автором заслуг коллег, их творчества. Заявленную в предисловии целевую аудиторию «для исследователей литературного процесса» я бы заменила на «для исследователей интриг, зависти, нечестности, посредственности».

Мне хочется напомнить, что делалось в те годы доброго, достойного. Годы-то были очень тяжёлыми для страны, всех её граждан. На фоне развала всех структур, мировоззрений возникли расколы и различные течения. Коснулось это и нашего Союза писателей. Были масштабные идеологические расхождения с некоторыми писателями (Зубарев, Куралов, Скорик и др.). Но даже во время этого разделения не было грязи, клеветы и низких поступков, не писали ахиною друг на друга. Да, были разведены по разные стороны баррикад, да, были споры, причём жаркие. Но самое главное, в те времена продолжалось творчество, пришло понимание общего дела – служения Слову, честному, правдивому. Это и объединило. И уже объединённая писательская организация во главе с Б. Бурмистровым провела немало идей и проектов в жизнь. Была создана команда единомышленников, писателей-патриотов: В. Баянов, В. Махалов, Л. Никонова, С. Донбай, А. Катков, Л. Скорик, В. Мазаев, В. Матвеев, В. Коврижных, Д. Мурзин, В. Зубарев, И. Куралов и др. На тот момент это самые известные и талантливые писатели. Совместная работа дала огромный импульс для просветительской деятельности и укрепила авторитет писателей в областной администрации.

Был создан Дом литераторов Кузбасса.

165

От орловских коллег узнали о писательских стипендиях. После чего собрали нужные документы, вышли на губернатора А. Г. Тулеева и добились стипендий для кузбасских писателей.

Начали выходить приложения к журналу «Огни Кузбасса». Они стали первыми книжками многих будущих членов Союза писателей России. На сегодняшний день количество книжек около шестидесяти.

Постоянно и регулярно издавались отдельные книги поэтов и писателей.

А также была издана хрестоматия – учебное пособие для кузбасских школ.

А какая работа была проделана над книгой «Сбор стихов»! Составители – Б. Бурмистров, С. Донбай, А. Ибрагимов.

А какая титаническая работа прошла над антологией XX века «Русская сибирская поэзия»! Автор и руководитель проекта – Б. Бурмистров. Редакторы-составители – В. Баянов, С. Донбай, Б. Бурмистров. В подготовке материалов приняли участие руководители региональных союзов писателей Сибири и Дальнего Востока (а это около 30 субъектов). Эти книги – шедевры!

Об этой огромной работе В. Арнаутов даже не упоминает в записях, как и о том, что известные писатели очень высоко ценили поэтов Кузбасса.

«Поэтическая школа в Кемерове – лучшая в Сибири» (В. Астафьев).

В. Ганичев, Ст. Куняев и В. Сорокин говорили, что писательская организация Кузбасса – одна из сильнейших в Сибири.

А Ст. Куняев открыл дорогу кузбасским писателям к читателям России, регулярно печатая их в «Нашем современнике». Даже о таком гиганте, как Куняев, Арнаутов пишет в своих записях весьма неуважительно (но к ручке прикладывается).

Более 20 писателей и поэтов были опубликованы в различных российских антологиях.

К существующим премиям: им. Волошина (проза), им. Фёдорова (поэзия) – добавились новые, преимущественно ориентируемые на молодых писателей. Областные: им. Баянова (финансовая поддержка «Азота»), «Энергия творчества» (организованная В. Плющевым при поддержке Кузбассэнерго), литературная православная премия им. св. Павла Тобольского (благодаря многолетнему сотрудничеству писателей с Русской православной церковью).

По инициативе главного редактора журнала «Огни Кузбасса» С. Донбая у нас проводились Всероссийские совещания главных редакторов журналов.

Всероссийские совещания молодых литераторов, неоднократно проводимые на Урале, куда выезжали Б. Бурмистров, С. Донбай с молодыми кузбасскими авторами, проводили там семинары. Около

десяти человек было принято в Союз писателей России по рекомендации всероссийских совещаний.

Томская организация на протяжении нескольких лет проводит фестиваль «Устами детей говорит мир». С. Донбай, Д. Мурзин, Б. Бурмистров – неизменные члены жюри и руководители семинаров.

Журнал «Огни Кузбасса» выходил регулярно четыре раза в год, был областным журналом, а затем расширил свои контакты с регионами, стал всероссийским и выходит шесть раз в год.

А ещё многие поездки по Сибири: Томск, Омск, Красноярск, Иркутск, Алтай.

Помимо этого, велась огромная просветительская деятельность Союза писателей – до 250–300 выступлений в год в школах, колледжах, вузах, благотворительно, с участием многих поэтов и писателей.

Я помню писателей той поры. Да, были застолья по разным поводам. Но как в этих застолях было интересно! Сколько полезного, событийного из дел предыдущих поколений, что-то новое из литературных знаний черпали в этих разговорах! А как заряжались творческой энергией друг от друга! Знакомились, читали стихи, делились творческими планами, дарили свои книги и получали в дар книги коллег. Это незабываемо!

Я думаю, большинству писателей есть за что добром это вспомнить. Да разве можно (даже в трёх томах) перечислить всё доброе, сотворённое писателями Кузбасса за эти годы! И как ничтожны по сравнению с настоящими делами «литературные сплетни» В. Арнаутова. И не ему судить писателей, отстоявших в 1990-х годах свою свободу и самостоятельность, сохранивших Союз. Его книга не просто однобокое видение, а прямое искажение всей творческой деятельности Союза писателей Кузбасса.

Стыдно! Стыдно перед памятью ушедших наших писателей. Невозможно молчать!

И ещё... Думаю, что пора Б. Бурмистрову взяться самому за написание книги, где будет отражена настоящая, объективная и честная история Союза писателей Кузбасса.

Хочу предложить идею, просто просится наружу... Уважаемые писатели! Давайте напишем свою правдивую историю! В виде зарисовок, рассказов, воспоминаний. Что-то интересное, яркое, смешное, серьёзное, историческое о нашем Союзе, а наш журнал будет печатать эти истории. На память всем. И, может, получится интересный сборник живого авторского слова, в котором будет отражена живая жизнь, живая мысль, живое общение. Для нас. Для наших читателей. Для наших потомков.

Татьяна КОЛАЧ,
г. Юрга

